

Глава VII. «Альянс»

“ Реакционеры все действуют согласно, напротив, сторонники свободы рассеяны, разделены, несогласны; необходимо добиться их тайною соглашения в международном масштабе.

М. Бакунин

Женева была традиционным городом международных конгрессов. Теперь, в середине 1867 года, когда в буржуазно-демократических кругах Западной Европы в связи с угрозой войны между Францией и Пруссией возникла идея создания международной пацифистской организации, местом проведения ее I конгресса стала столица Швейцарии.

Конгресс, начавшийся 9 сентября 1867 года, стал крупным событием в жизни Европы. Легендарные биографии и мировая слава ряда делегатов привлекали толпы любопытных. На улицах Женевы, украшенных зеленью и флагами, народ встречал и провожал до Избирательного дворца наиболее известных из них.

Восторженными возгласами был встречен Гарибальди, ехавший в открытом экипаже и махавший шапочкой в ответ на приветствия толпы.

Шесть тысяч человек заполнили огромное здание Избирательного дворца. После вступительной речи председателя конгресса Жюль Барни один за другим на трибуну стали подниматься представители различных организаций и рабочих союзов. Их программные требования чаще всего были утопичны и не всегда аргументированы, но слушатели в массе не замечали этого.

В работе конгресса принял участие и Бакунин. Еще в июне узнал он из опубликованного манифеста Лиги мира и свободы о предстоящем событии. Ему особенно понравилось то, что среди тех, кто поддержал созыв пацифистского конгресса, было много деятелей 1848 года и вообще лиц широко известных в демократических и либеральных кругах Европы, таких, как Луи Блан, А.-М. Альбер, Виктор Гюго, Пьер Леру, Эдгар Кине, Эли и Элизе Реклю, Жюль Фавр, И.-Ф. Беккер, Джузеппе Дольфи, Гарибальди.

Международный конгресс, представлявший подобные круги, мог, по мнению Бакунина, стать подходящей ареной для пропаганды идей «Интернационального братства».

Появление Бакунина в зале заседания было встречено овацией. В первый же день он был избран вице-президентом конгресса и занимал место на эстраде в президиуме. Там же находился и Н. П. Огарев.

С речью он выступил на второй день заседания — 10 сентября. Само появление его и выступление были весьма эффектны. Вот как описал это событие присутствовавший там Г. Н. Вырубов. «Когда он поднимался своим тяжелым, неуклюжим шагом по лесенке, ведущей на платформу, где заседало бюро, как всегда неряшливо одетый в какой-то серый балахон, из-под которого виднелась не рубашка, а фланелевая фуфайка, раздались крики: „Бакунин!“ Гарибальди, занимавший председательское кресло, встал, сделал несколько шагов и бросился в его объятия. Эта торжественная встреча двух старых испытанных бойцов революции произвела необыкновенное впечатление. Несмотря на то, что в огромном зале было немало противников, все встали, и восторженным рукоплесканиям не было конца. На другой день Бакунин произнес блестящую речь, которая, как всегда, имела шумный успех. Если оратором считать того, кто удовлетворяет требованиям литературно образованной публики, изящно владеет языком и в речах которого можно всегда найти начало, середину и конец, как поучал Аристотель, — Бакунин не был оратором; но он был великолепным народным трибуном, умение говорить массам постиг в совершенстве и, что всего замечательнее, говорил им одинаково убедительно на разных языках. Его величавая фигура, энергичные жесты, искренний, убежденный тон, короткие, как бы топором вырубленные фразы — все это производило сильное впечатление».[333]

О чем же говорил этот «народный трибун»? Он высказывался за поражение самодержавной России в любой войне, предпринятой царизмом, ибо всегда «неудачи царя несколько облегчали бремя императорского самовластия».

Но революционное пораженчество было не единственным содержанием его речи. Последние слова он обратил против централизованных государств вообще.

«Всеобщий мир невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться единства свободные, организованные снизу вверх, свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы».[334]

«Продолжительные возгласы сопровождают последние слова гражданина Бакунина, который, возвращаясь на свое место, принимает горячие поздравления от своих коллег», — сообщает протокол конгресса.

Успех речи Бакунина не означал, однако, что все делегаты были согласны с ним. Единства мнений вообще не было в этой организации. Программу Лиги должен был выработать комитет к следующему заседанию конгресса (через год). В числе других членом комитета был избран Бакунин. Здесь он оказался среди революционно-демократического меньшинства, так как большинство принадлежало буржуазным либералам. Но это обстоятельство не смущало его и не останавливало решительных намерений использовать Лигу для пропаганды своих идей. Под маркой Лиги хотел он выпустить брошюру против Мадзини, а работу «Федерализм, социализм и антитеологизм» предложить Лиге в качестве программной.

В работе этой, развивая основные мысли «Революционного катехизиса», он конкретизировал отдельные положения, представил их в новом аспекте. Важным моментом стала конкретизация доселе неясно выраженного в его работах социологического термина «народ», а также выяснение роли мелкой буржуазии. Отметив, что крупная буржуазия «давит, пожирает и толкает в бездну» мелкую, Бакунин делал логический вывод о ее естественной революционности и о том, что у нее нет другого спасения, «кроме союза с народом, и что она заинтересована в социальном вопросе не менее и с той же стороны, что и народ».

...Но инициатива нового движения будет принадлежать народу, а не ей: на западе — фабричным и городским рабочим, у нас, в России, в Польше и в большинстве славянских земель — крестьянам».[335]

Интересно в этой работе и обоснование анархического социализма, который он противопоставляет доктринерскому, основанному «двумя замечательными людьми Сен-Симоном и Фурье». Признавая одну сторону их учений — глубокую, научную, строгую критику современного общественного строя, он обвиняет их в регламентации будущего. «Кабе, Луи Блан, фурьеристы, сен-симонисты — все были одержимы страстью выдумывать и устраивать будущее, все были более или менее государственники».

Один лишь Прудон создал безгосударственную форму социализма, которую теперь Бакунин и предлагал принять комитету, вырабатывающему программу Лиги.

«Убежденная в том, что свобода без социализма — это привилегия и несправедливость, а социализм без свободы — это рабство и животное состояние, Лига громко провозглашает во всеуслышанье необходимость коренного социального и экономического преобразования, имеющего целью освобождение народного труда из-под ига капитала и помещиков и основанного на строжайшей справедливости, не юридической, не теологической, а просто человеческой, на положительной науке и на самой неограниченной свободе».[336]

Несмотря на всю радикальность линии, предложенной Бакуниным комитету, некоторых успехов он сумел добиться. Так, программа, принятая комитетом после почти годичных споров и обсуждений, признавала, что «нынешняя экономическая система подлежит коренному изменению».

Заставить мирных буржуазных либералов не только принять, но даже понять подобные идеи было чрезвычайно трудно. Ведь среди тех, кого приходилось убеждать, были люди, подобные члену комитета Карлу Грюну. Этот немецкий либеральный деятель, в свое время участник революции 1848–1849 годов, не мог понять идей Бакунина и даже усвоить его терминологию. Встретившись со старым знакомым, он более всего был поражен не его новыми мыслями, а его внешним видом и его молодой женой.

«Он поседел, одежда на нем была в беспорядке, высокий стан согбен, рот без зубов, но в остальном он не изменился, больше того — стал еще сердечнее, благодуще, внимательнее. Он показал мне свою маленькую жену... я с трудом сохранил серьезность. Эта маленькая, худенькая полька рядом с русским богатырем едва доставала ему До груди.

Точно пони рядом со слоном в цирке. Он отправил жену с каким-то молодым русским в театр, а для нас заказал настоящего китайского чаю с настоящим коньяком, и мы долго болтали... Потом он взял меня за руку: „Все-таки хорошо, что мы снова увиделись и в принципе так единомысленны, атеизм, коммунизм...“, третий „изм“ я забыл, но это был не нигилизм, а нечто вроде „агамизма“ или что-то в этом роде по смыслу».[337]

Речь шла, конечно, об антитеологизме, но это уж было слишком сложно для Грюна. Внешнюю сторону дела он, очевидно, описал правильно.

В эти годы Бакунин стал резко стареть, перестал совсем следить за своей одеждой.

По приезду в Швейцарию поселились Бакунины на живописных берегах Женевского озера в Вене. Быт им здесь удалось организовать хуже, чем в Неаполе. Денег не было: нерегулярный литературный заработок не мог обеспечить жизни, а материальная помощь, оказываемая ранее княгиней Оболенской, иссякла, так как сама она оказалась в весьма трудном положении.

И Михаил Александрович и Антонина Ксаверьевна писали в Премухино, прося братьев выделить его долю наследства или сообщить хотя бы, на что они могут рассчитывать. «Я нахожусь в беде, и Вы, если только есть маленькая возможность, должны мне помочь. В долгу, как в шелку, а денег ни гроша... Объясните, определите мое положение и один раз навсегда напишите мне: есть ли у меня что-нибудь? 0 или +? Если же +, то сколько именно, и в какое время, и на каких условиях я могу его получить. Я буду счастлив, если он окажется достаточным, чтоб освободить меня от долгов. А я должен теперь около 12 000 франков».[338]

Ни ответа, ни денег из России не приходило. Это обстоятельство, конечно, осложняло жизнь Бакунина, но не настолько, чтобы отвлечь его от главного занятия — расширения состава «Интернационального братства», пропаганды его идей в любой среде, которая казалась подходящей ему. С этой целью, помимо работы в Лиге и среди русской колонии, он посещал и собрания швейцарских рабочих, произносил речи на митингах: призывал, вдохновлял, объяснял. Барон Н. Врангель, встретившийся с ним на одном из таких митингов, эмоционально и вместе с тем иронически пишет о том, как на трибуну, обтянутую красным кумачом и украшенную швейцарскими флагами, тяжело поднялся этот «народный трибун», постоял несколько секунд безмолвно и заговорил.

“ «Громкие слова, возгласы, удары грома, рычание льва, сверканье молнии, рев бури, что-то стихийное, поражающее, непостижимое. Этот человек... был создан для революции. Революция была его естественная стихия, и я убежден, что, буде ему удалось бы перестроить какое-нибудь государство на свой лад, ввести туда форму правления своего образца, он на следующий же день, если не раньше, восстал бы против собственного детища, и стал бы во главе своих политических противников, и вступил в бой, дабы себя же свергнуть».[339]

При всей парадоксальности этой характеристики она верно подчеркивает неукротимую революционную страстность натуры Бакунина, которая ничуть не угасала с годами, а даже, напротив, становилась ярче. Да и интеллектуальные способности его после пятидесяти лет получили не только новое направление, но и новое восходящее развитие. Тот спад умственной жизни, который пережил он в годы тюрьмы и ссылки, остался далеко позади. И может быть, потому, что силы его оставались неизрасходованными столько лет в цветущую, зрелую пору его жизни, он теперь, уже, казалось бы, на закате, снова рос: постигал новые горизонты, отбрасывал старые свои же схемы.

«В продолжение трех лет, — писал он родным, — я успел очистить свой ум от последних остатков гнилого спиритуализма, а теперь занимаюсь освобождением его от всякого доктринаризма».

В Женеве, сообщал он в том же письме, нашел «живую русскую и интернациональную среду».

Среду эту представляли молодые революционеры 60-х годов, эмигрировавшие из России. Здесь были в прошлом члены Центрального комитета «Земли и Воли», а теперь участники международного и русского революционного движения Н. И. Утин и А. А. Серно-Соловьевич; видный деятель движения 60-х годов, транспортировавший в Россию издания «Вольной русской типографии», Н. И. Жуковский; революционно настроенные эмигранты супруги В. И. и Е. Г. Бартеневы; участник польского восстания 1863 года А. Д. Трусов; О. С. Левашева; издатель-эмигрант, владелец русской типографии в Женеве, а затем в Цюрихе М. К. Элпидин и многие другие.

Молодая эмиграция сначала нравилась Бакунину.

Он увидел в них «пионеров новой правды», вполне подходящих к тому, чтобы привлечь их к «Интернациональному братству». «Для начала, — пишет Ралли, — он обратился с этой целью к Ник. Иван. Жуковскому, который привлек за собой Н, Утина, Ольгу Левашеву и еще нескольких „дам“... Сформировался в Женеве следующий кружок: Н. И. Жуковский, Н. Утин, С. Жеманов, М. Элпидин, О. Щербаков и „дамы“. Кружок этот, по предложению Бакунина, должен был дать ему людей для образования интернациональной ветви русских братьев».[340]

С января по октябрь 1868 года многие члены этого кружка снимали комнаты в одном доме с Бакуниным, образовав нечто вроде небольшой русской колонии. Там, по словам Бакунина, были: «Жуковский с женой, г-жа Левашева, сестра Жуковской, княжна Оболенская, Мрук (Мрочковский), Загорский. Затем прибавился Утин с женой».

Николай Иванович Жуковский близко сошелся с Бакуниным. «Жука я люблю, — писал о нем позднее Михаил Александрович Огареву, — он артист, и за ним водятся разные артистические блохи, но у него есть сердце, и много сердца».[341]

Сотрудничество с Жуковским дало свои плоды. Была основана газета «Народное дело». Историю возникновения газеты и степень своего участия в ней Бакунин изложил следующим образом: «Жук в то время предложил мне основать русскую газету. Муж г-жи

Левашевой дал для этой цели тысячу рублей Жуку. Но г-жа Левашева, которая возгорелась безумной страстью к Утину, хотела, чтобы последний принял участие в редакции газеты. Между нами и Утиным было абсолютное несходство — не идей, ибо, собственно, Утин никогда не имел никаких идей и говорил, что мы должны принять принципы, какие русская молодежь найдет нужным в нас влить, — было абсолютное несходство характеров, темпераментов, целей. Мы хотели само дело, Утин заботился только о себе. Я долго противился всякому союзу с Утиным. Наконец я устал и уступил, и после короткого опыта, так как деньги были собственно г-жи Левашевой, я оставил Утину газету вместе с ее названием».[342]

Однако «короткий опыт» был. Выразился он в первом номере «Народного дела», в основном принадлежащем перу Бакунина. Вышел он в начале сентября 1868 года, начинался с «Нашей программы», написанной Бакуниным вместе с Жуковским и повторяющей основные идеи «Революционного катехизиса».

Опубликование этой программы сразу же проложило резкую черту между Бакуниным и молодой эмиграцией.

Революционная молодежь, сформированная под идейным влиянием Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, оказавшись в эмиграции, примкнула к рабочему движению, пошла за идеями Международного товарищества рабочих.

Русская секция Интернационала оформилась в 1870 году, но уже в 1868 году ее будущие участники определили свое отношение к делу, которым руководил Маркс. Так, выражая мнение этой группы эмиграции, А. А. Серно-Соловьевич писал Марксу 20 ноября 1868 года:

«Итак, следует признать: а) что движение очень сильно; б) что движение сильно лишь благодаря существованию Интернационала; в) что со всех сторон делаются попытки погубить Интернационал и г) что сила движения в стране находится в прямом отношении к силе Интернационала».[343]

Приняв линию Интернационала, эти молодые люди, естественно, должны были выступить против Бакунина. Случилось это не сразу, так как обаяние личности, легендарная слава да и само отношение старого революционера к молодежи первое время сглаживали противоречия. Но после выхода «Народного дела» те, кто не был согласен с ним, не могли более молчать.

Критику Бакунина возглавил Утин, его поддержали Трусов и Бартенева. Серьезнейшая борьба, завязавшаяся с этого времени между Бакуниным и Утиным, была основана не только на идейной основе. В большом количестве и главным образом со стороны Утина в нее были внесены элементы склоки, интриги, лжи.

Но об этом еще придется говорить ниже, теперь же вернемся к осени 1868 года, когда вышел первый номер «Народного дела».

21 сентября в Берне собрался II конгресс Лиги мира. Большинство его представляли, по характеристике Бакунина, радикальные доктринеры, свободные мыслители,

эмансипированные женщины, либеральные пасторы и тому подобные буржуазные либералы разных сортов.

Ясно было, что призывы Бакунина не будут иметь здесь ни малейшего успеха. Однако он решил проводить свою линию и в этой аудитории до конца. В первой речи, развив свои программные тезисы, он придал им на этот раз ярко выраженный антигосударственный, анархический смысл. Он обрушился на государство, как институт, в корне противоречащий человеческой свободе, справедливости, всеобщей солидарности человечества. Он призывал всех, кто хочет полного и совершенного освобождения народа, к разрушению всех государств и основанию на их развалинах всемирной федерации производительных свободных ассоциаций всех стран.

Ни это и ни последующие его выступления на заседании конгресса не могли вдохновить депутатов. Убедившись в тщетности усилий расшевелить этих «узколобых доктринеров», Бакунин и его сторонники 25 сентября подписали «Коллективный протест членов, вышедших из состава конгресса». Подписей было пятнадцать. Среди них известные уже члены «Братства» Элизе Реклю, Туччи, Фанелли, Фриш, Жуковский, Мрочковский, Загорский, друг Бакунина — лионский революционер Альбер Ришар и еще несколько человек, симпатизировавших этому направлению.

Так, наконец, Бакунин покончил с неудачной затеей пропаганды своих идей в столь чуждой интересам народа среде. «К стыду своему, — писал он позднее, — я участвовал в этой буржуазной лиге и в продолжение целого года имел глупость не отчаиваться обратить ее к принципам социализма».[344]

Но пока он предпринимал эти тщетные попытки, Международное товарищество рабочих росло, крепло и завоевывало все новых сторонников.

Дальнейшая революционная работа вне Интернационала, за которым шли рабочие большинства европейских стран, была бессмысленной, Бакунин понял это и в июле 1868 года вступил в Женевскую секцию Международного товарищества рабочих. Но этого ему было совершенно недостаточно. Не рядовая работа в Интернационале на основе его принципов, а пропаганда через Интернационал своих взглядов, распространение их среди широких кругов рабочих — такова была его задача. Для этого недостаточно было войти в Интернационал самому, нужно было ввести и свою организацию, создать там определенный перевес сил. Так, приступая к активной работе в Интернационале, Бакунин с самого начала собирался действовать вопреки его принципам, его программе.

Маркс и Энгельс создавали программу Международного товарищества рабочих на основе изучения закономерностей развития капиталистического общества и научного предвидения перспектив классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

Идеи, вносимые в рабочее движение Бакуниным, были принципиально противоположны научному социализму.

В вопросах же организации рабочего движения бакунизм был прямо враждебен марксизму.

Единству действий международного пролетариата, обеспечиваемому Генеральным советом Интернационала, пролетарской партийности Бакунин противопоставил «автономию секций», с одной стороны, и тайную, строго законспирированную организацию внутри Интернационала — с другой.

После ухода с Бернского конгресса Лиги Бакунин собрал своих сторонников и предложил им основать особый союз под названием «Альянс социалистической демократии (или социалистов-революционеров)», который вошел бы в Интернационал на правах самостоятельной организации.

Бакунин хотел представить «Альянс» и его программу как нечто новое, образованное и сформированное теперь, после разрыва с Лигой. Однако дело обстояло иначе. По существу, «Альянс» был лишь новой формой «Интернационального братства». Последняя редакция программы «Интернационального братства» сообщала, что принципы этой организации «тождественны принципам программы „Международного альянса социалистической демократии“», а организация «Братства» имеет три степени:

1. интернациональные братья, 2) национальные братья, 3) полутайная, полуоткрытая организация Международного альянса.

Из последнего пункта явствует, что с самого начала Бакунин задумал «Альянс» как «полутайную» организацию, что вполне соответствовало его тактике борьбы путем создания международного тайного общества как единственно действенного средства в условиях международного союза реакции.

Была ли подобная тактика верной, политически и морально оправданной? Нет. Ни объединение международных сил реакции, ни насущная необходимость объединения всех революционных сил не делали неизбежным и нужным создание тайного союза. Напротив, именно эти обстоятельства и требовали гласной, открытой борьбы.

«Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии»[345] — так писали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в 1848 году.

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир».[346]

Эти заключительные слова «Манифеста Коммунистической партии» — образец ясной революционной тактики, исходящей из веры в творческие возможности рабочего класса, из истинного уважения к народу, наконец, из трезвой оценки расстановки классовых и политических сил.

Однако принципы и тактика научного коммунизма, естественно, не могли быть приемлемы для мелкобуржуазной теории и тактики Бакунина, исходившего из идеалистических

посылок.

Сохраняя в тайне истинные задачи «Альянса», Бакунин решил во что бы то ни стало ввести свою организацию в Международное товарищество рабочих.

Определенные основания для надежд на успех этого предприятия у него были.

Статья первая Устава Интернационала сообщала, что в Международное товарищество принимаются все рабочие союзы, стремящиеся к одной цели — взаимной помощи, прогрессу и полному освобождению рабочего класса.

Такая широта при определении принципа приема в Интернационал различных рабочих организаций объяснялась уровнем рабочего движения того времени. Часть рабочих шла еще за мелкобуржуазной утопией Прудона. Его мирный анархизм, отрицание всякого государства, в том числе и демократического, его догматическое учение о бесплодности для рабочего класса политической борьбы, его пропаганда кредита и взаимной помощи все еще находили немалый отклик среди рабочих Франции, Швейцарии, Бельгии, Испании и соответственно были представлены в Интернационале.

Наряду с прудонизмом в Международном товариществе существовали и другие направления, как тред-юнионизм, лассальянство и пр.

«Международное Товарищество Рабочих, — писал Энгельс, — поставив себе целью сплотить воедино разрозненные силы мирового пролетариата и стать таким образом живым выразителем общности интересов, объединяющих рабочих, неизбежно должно было открыть доступ социалистам всех оттенков».[347]

Надеясь на широту принципов и демократизм Устава Интернационала, Бакунин и решил направить Генеральному совету программу «Альянса» с просьбой принять эту организацию в Международное товарищество.

Ответ по этому вопросу поручено было составить К. Марксу. 15 декабря 1868 года, посылая программу «Альянса» Ф. Энгельсу, он писал: «Прилагаемый документ, несмотря на его нелепость, прошу тебя изучить серьезно, написать мне свои замечания по-французски и вернуть мне его, самое позднее, в ближайшую субботу.

Г-н Бакунин, — ...орудует за кулисами в этой истории...

...Сегодня вечером в нашем Генеральном Совете царило, особенно среди французов, сильное возмущение по поводу этого документа.

...Совет постановил... публично дезавуировать в Париже, Нью-Йорке, Германии и Швейцарии это контрабандное общество. Мне поручено... составить постановление об отказе признать это общество».[348]

«Женевский документ очень наивен, — отвечал Энгельс. — ...Интернационал не может согласиться на это шарлатанство, это ясно, как день. В этом случае было бы два

генеральных совета и даже два конгресса; это — государство в государстве, и с первой же минуты вспыхнул бы конфликт между практическим советом в Лондоне и теоретическим, „идеалистическим“, советом в Женеве.

...Как и ты, я считаю все это дело мертворожденным, чисто женевским доморощенным детищем. Оно стало бы жизнеспособным лишь в том случае, если бы вы чересчур свирепо обрушились на него и тем придали бы ему значение. Я полагаю, что лучше всего было бы спокойно, но твердо отклонить претензию этих людей пробраться в Интернационал... Так как, попросту говоря, у молодцов этих никакого другого поля деятельности, кроме болтовни, нет, то они очень скоро до смерти надоедят друг другу, и так как можно думать, что притока со стороны... у них не будет, то вся эта мелочная лавочка, несомненно, вскоре развалится сама собой. Если же ты резко выступишь против этой русской интриги, то без пользы для дела взбудоражишь весьма многочисленных среди рабочих (особенно в Швейцарии) идейных мещан и повредишь Интернационалу...

Ничего более жалкого, чем эта теоретическая программа, я никогда не читал».[349]

Скептически отнесясь к Бакунину, Энгельс явно недооценил известной силы этого «наивного женевского» документа для мелкобуржуазной и отсталой рабочей среды. Недооценил он и энергию Бакунина. Однако советы его о тоне ответа имели большой смысл, и Маркс вполне согласился с ними. Отказ «Альянсу» был составлен «дипломатически».

А тем временем Бакунин, еще не знавший об отрицательном ответе и желавший, напротив, заручиться поддержкой Маркса, направил ему письмо, воспользовавшись вопросом, который задал о нем Маркс в письме к А. А. Серно-Соловьевичу. Сам Маркс в письме к Энгельсу так объяснял обстоятельства, при которых он задал этот вопрос:

«...Русский Серно в своей прежней переписке с Боркхеймом был решительно против Бакунина. В моем ответе Серно я хотел использовать этого юношу для получения сведений о Бакунине... Русский Серно тотчас же поспешил передать содержание этого письма Бакунину, и последний пользуется им для сентиментального вступления!»[350] Звучало оно следующим образом:

«Мой старый друг, — писал он, — Серно сообщил мне ту часть твоего письма, которая касалась меня. Ты спрашиваешь его — остался ли я по-прежнему твоим другом. Да, и даже более чем когда-либо, дорогой Маркс, потому что лучше, чем когда-нибудь, я понимаю теперь, до какой степени ты был прав, следуя сам и приглашая нас идти по проторенной дороге экономической революции и резко порицая тех из нас, которые сбивались на тернистый путь либо национальных, либо исключительно политических действий. Я делаю теперь то, что ты начал уже 20 лет тому назад. С тех пор как я торжественно и публично распрощался с буржуа на Бернском конгрессе, я не знаю другого общества, другой среды, кроме мира рабочих. Мое отечество будет теперь Интернационал, одним из главных основателей которого ты являешься. Итак, ты видишь, дорогой друг, что я — твой ученик, и я горжусь этим». После этой «сентиментальной» и, безусловно, неискренней части письма Бакунин переходил к делу: «...Ты пишешь, что мы на Бернском конгрессе неверно ставили вопрос, когда говорили об уравнивании классов и личностей. Замечание это вполне

справедливо в отношении терминов, формулировки, которую мы употребили, но эта формулировка была нам, так сказать, навязана глупостью и совершенной неспособностью нашей буржуазной аудитории». Далее Бакунин отмежевывался от политической линии Герцена, которая была неприемлема для Маркса («между мной и им нет абсолютно никакой солидарности»), и сообщал, что посылает Марксу программу «Альянса», «который мы основали вместе с Беккером и со многими итальянскими, польскими и французскими друзьями. По этому вопросу нам придется еще много говорить».[351]

На это письмо Маркс не ответил.

Узнав об отказе Генерального совета, Бакунин снова обратился в Интернационал с просьбой принять отдельные секции «Альянса» на том условии, что сама организация как международная будет распущена, но отдельные секции Швейцарии, Испании, Италии и Франции войдут в соответствующие секции Интернационала. Но это был всего лишь маневр. Однако большинство деятелей рабочего движения приветствовали такое решение.

Эту точку зрения разделял и будущий ближайший соратник Бакунина Джеймс Гильом. В рабочее движение Гильом пришел лишь недавно, в 1865 году. Взгляды его, сформировавшиеся под идейным влиянием Фейербаха, Дарвина, Фурье и Прудона при непосредственном наблюдении жизни и борьбы рабочих Швейцарии, были близки к мировоззрению Бакунина.

Встретились они впервые в 1867 году на конгрессе Лиги мира, но познакомились ближе лишь спустя год, когда Гильом приехал в Женеву на конгресс Романской федерации. Узнав, что Гильому негде остановиться, Бакунин пригласил его к себе. «Бакунин сразу очаровал меня своим обращением. Я пробыл у него на квартире в этот раз только два дня, но и этого времени было вполне достаточно, чтобы у меня с Бакуниным установились самые дружеские отношения, несмотря на разницу наших лет».[352]

Гильому было тогда 24 года, и, конечно, Бакунин оказал на него известное влияние. Сам Гильом так писал об этом впоследствии:

«Я обязан Бакунину следующим: до знакомства с ним я считал себя стойким и был занят главным образом вопросом о нравственном усовершенствовании своей личности... Под влиянием Бакунина я отказался от этого, я понял, что лучше направить свои усилия к моральному усовершенствованию по пути более человеческого, более общественному, я решил искать основу морали в коллективном сознании людей, объединенных общностью пропаганды и революции».[353]

Но, несмотря на это влияние и солидарность во взглядах, Гильом первое время не был согласен с Бакуниным в необходимости существования «Альянса» в недрах Интернационала.

Многие члены «Братства», весьма близкие к Бакунину в последние годы, также выражали свое несогласие со столь сложной организацией. Бакунин же продолжал настаивать на своем.

В конце 1868 — начале 1869 года он предпринял поездку по Швейцарии с чтением лекций в рабочей среде о целях и задачах «Альянса». Но и эта пропаганда не принесла ему успеха.

Тогда в январе 1869 года он созвал в Женеве съезд «Интернационального братства», на котором произошел раскол между ним и большинством его последователей. Причина была, очевидно, в том, что братья не хотели перенесения деятельности в среду Интернационала. Упрекали они Бакунина и в диктаторстве. О разногласиях этих мы можем судить лишь по письму, которое послал Бакунин своим недавним друзьям, расставшись с ними. В этом послании, объявляя о своем выходе из «Братства», он, в частности, писал: «Человек, окруженный внешними врагами и препятствиями, должен обладать внутренней уверенностью. У меня нет уже этой уверенности, ни этого доверия, и вот почему я ухожу. Вы не скажете, что своим уходом я совершаю акт власти или диктатуры... По моему глубочайшему убеждению, диктатором не юридическим, а фактическим является и всегда будет являться тот, кто действует, и лишь постольку, поскольку он действует в интересах общества».[354]

«Братство» прекратило свое существование. А тем временем из Генерального совета на второе ходатайство Бакунина о принятии его секций в секции Интернационала, при условии роспуска «Альянса» как международной организации, пришел положительный ответ.

В июне 1869 года отдельные секции влились в Интернационал, «Альянс» же объявил себя распущенным, что не означало, однако, действительного прекращения его деятельности. «Полутайное» стало тайным.

Слишком был уверен Бакунин в том, что только его программа обеспечит активное участие всех слоев народа в революции и что только тайная, строго законспирированная организация может в существующих условиях подготовить революционный взрыв.

История доказала всю ложность и утопичность представлений Бакунина, но не дала нам оснований сомневаться в его личной искренности, самоотверженности, бескорыстном служении делу освобождения человечества.

Субъективное и объективное тесно переплетены в истории. И нередко субъективно честный и преданный революции человек служит объективно ложной системе идей. Осудить такого человека легко. Найти мотивы и основания его деятельности, его веры в свою правоту — труднее. А основания, как мы говорили выше, все-таки были.

Несмотря на утопичность взглядов Бакунина и известную долю фантазии, бакунизм не был плодом досужего воображения мечтателя, не связанного с реальной жизнью. Напротив, как в теоретическом отношении, так и в самой жизни той эпохи он находил известную основу.

В теоретическом плане бакунизм был разновидностью утопического социализма. До появления и утверждения социализма научного утопический социализм был самой передовой формой идеологии.

Во второй половине XIX века, потеряв для передовых стран Европы свою прогрессивность, он тем не менее продолжал оставаться боевой и революционной формой мировоззрения в

таких странах Европы, как Россия, Италия, Испания и некоторые другие.

Преобладание крестьянского населения, известная неразвитость социально-экономических форм жизни, элементы феодального гнета, сочетавшиеся с жестокой буржуазной эксплуатацией, — все это создавало ту среду, в которой неизбежно появлялись и культивировались различные утопические учения о перестройке жизни на началах свободы, равенства и справедливости.

Одним из таких учений и стал бакунизм. Причем Бакунину в отличие от многих других теоретиков утопического социализма было свойственно стремление создать научную, материалистическую теорию, понять закономерности революционного преобразования мира. Однако одно стремление без научного знания и понимания законов общественного развития, без трезвой оценки сил и средств не способно изменить исходные утопические и идеалистические представления.

Свой общественный идеал Бакунин искал в народной жизни. Одно из главных его положений состояло в том, чтобы «не навязывать народу» ту или иную систему, не учить народ, а лишь создать ему условия для выявления его естественной жизни, естественной организации. «Мы революционеры-анархисты, поборники всенародного образования, освобождения и широкого развития общественной жизни, а потому враги государства и всякого государственства, в противоположность всем метафизикам позитивистам и всем ученым и неученым поклонникам богини науки, мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом...

Сообразно такому убеждению, мы не только не имеем намерения и малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного нами самими, но в убеждении, что народные массы носят в своих... инстинктах, в своих стремлениях... все элементы своей будущей нормальной организации, мы ищем этого идеала в самом народе».[355]

Будущая организация жизни представлялась Бакунину следующим образом: «Мир, свобода и счастье всем угнетенным. Война — всем притеснителям и грабителям. Полное возвращение трудящимся капиталов, фабрик, орудий труда и сырья — ассоциациям; земля — тем, кто обрабатывает ее своими руками. Свобода, справедливость, братство по отношению ко всем человеческим существам, рождающимся на земле. Равенство для всех. Для всех безразлично все средства развития, воспитания и образования и одинаковая возможность жить своим трудом. Организация общества путем вольной федерации снизу вверх рабочих ассоциаций, как промышленных, так и земледельческих, как научных, так и художественных или литературных — сначала в коммуне, федерация коммун в области, областей в нации, а наций — в братский Интернационал».[356]

Борьбу за политические свободы Бакунин отрицал. По его убеждению, не принося народу улучшения, усиливая лишь буржуазию, она отвлекает массы от бунтовских настроений, развращает их государственными иллюзиями. Государственные формы, по мнению Бакунина, не играли никакой роли. Он не замечал особой разницы между монархией и

республикой: народу отнюдь не будет легче, «если палка, которую его будут бить, будет называться палкой народной». Непосредственной задачей революционеров Бакунин считал организацию социальной революции, которая осуществила бы социальный переворот, утвердила бы в жизнь «анархию и социализм».

Взгляды Бакунина на революцию и ее задачи были принципиально не верны.

Всякая социальная революция — закономерный результат развития классовой борьбы. Она разрешает противоречия между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, ломает отжившие производственные отношения и соответствующую им политическую надстройку — государственную власть. Основным вопросом революции становится вопрос о политической власти. «Переход государственной власти, — пишет В. И. Ленин, — из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции, как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия».[357]

Но вопрос о власти не исчерпывает содержания социальной революции. В широком смысле слова она включает все те социальные преобразования, которые осуществляет революционный класс. Характер революций определяется тем, какие социальные задачи они осуществляют и какие социальные силы в них участвуют.

Ни социальные задачи, которые имел в виду Бакунин, ни движущие силы, на которые он рассчитывал, не могли обеспечить победу социалистической революции. Его теория по своему классовому содержанию была одним из вариантов мелкобуржуазной революционности. Соответственной была и его практика борьбы. Вместо постепенной организации и сплочения пролетариата, вместо создания политической партии рабочего класса он предлагал создать тайную революционную международную организацию.

Придя к этому выводу еще в период создания «Интернационального братства», Бакунин в последующие годы лишь дальше развивал и теоретически обосновывал это положение. Тем же целям служила и его деятельность.

Наряду с конспиративными акциями членов «Альянса», которые пока еще оставались в тайне, Бакунин развернул бурную легальную деятельность в Женевской секции Интернационала, где занял ведущее положение. Он писал статьи, выступал на собраниях, участвовал в организации Романской федерации, объединившей все интернационалистические секции Швейцарии, по существу, полностью контролировал издание газеты этой федерации — «Равенство».

В сентябре 1869 года в Базеле собрался IV конгресс Интернационала. Здесь впервые принципиальные разногласия между сторонниками Маркса и бакунистами вылились в открытую дискуссию.

Важнейшим вопросом, обсуждавшимся конгрессом, была проблема земельной собственности. Против правых прудонистов, отстаивающих принцип индивидуальной собственности, выступили как сторонники Маркса, так и анархисты, поддерживающие Бакунина. Так большинством голосов было принято решение о коллективном

землепользовании.

Однако уже при обсуждении этого вопроса завязалась дискуссия между Бакуниным, требующим «социальной ликвидации», под которой он прежде всего понимал упразднение политического и юридического государства, и Эккариусом, утверждавшим, что социальное преобразование «должно быть произведено посредством той власти, которой рабочий класс сможет овладеть в государстве».[358]

Основным пунктом разногласия между Бакуниным и Генеральным советом стал вопрос об отмене права наследства. Пункт этот Бакунин повторял во всех своих программных документах и многих выступлениях. Он придавал этому вопросу огромное значение, так как таким путем он полагал в будущем обществе раз и навсегда предотвратить возможность возрождения неравенства и реставрацию капиталистических отношений. Речь шла здесь главным образом не о крупной собственности, которая была бы экспроприирована сразу же после победы революции, а о мелких земельных участках, которые нельзя было бы коллективизировать сразу. Вопрос этот был тем более важен, что Бакунин опирался более всего на те страны, где преобладала мелкая земельная собственность.

Но тезис этот во всех аудиториях вызывал непонимание или решительное возражение. Противники Бакунина из буржуазной среды полагали, что, работая, человек старается для своих детей, а не потому, что его увлекает сам процесс работы. Если же уничтожить права наследования, то люди будут работать лишь столько, сколько нужно, чтобы прокормить себя, или не будут работать вовсе.

По этому поводу Бакунин в письме к Сульману рассказывал случай, который произошел с ним в Японии, во время его бегства. На обеде у французского негоданта, раздосадованный прописными истинами, произносившимися вокруг, он решил прекратить эту благодушную беседу, привести в негодование столь безмятежное общество.

«Для начала я отверг одним махом право на наследство и на собственность. Мои слова вызвали всеобщее возмущение, все с яростью набросились на меня. Среди прочих один господин, бывший лейтенант, совсем недавно ставший торговцем в Хакодате и обладавший уже довольно значительным состоянием, сказал мне:

— Как, господин, и вы думаете, что, если не любовь к детям, я согласился бы забраться в эту дьявольскую страну, далекую от прекрасной Франции и лишенную всего того, что делает жизнь счастливою?

— А простите, месье, я не знал, что вы женаты, — сказал я ему.

— Нет, черт побери, я еще не женат, но, безусловно, возвратясь домой, я найду какую-нибудь женщину, которая мне подойдет, и тогда женюсь на ней, и я вам отвечаю, что у меня будут дети.

Таким образом, этот господин работал с такой самоотверженностью и таким рвением из-за любви к детям, которых еще не было на свете, но которые, возможно, появятся, когда он женится на женщине, пока неизвестной ему».

Выступая на Базельском конгрессе, Бакунин говорил: «Но что же произойдет, если вы не отмените права наследования? Они (крестьяне. — Н.П.) станут передавать эти участки своим детям с санкции государства на правах собственности. Напротив, если вы одновременно с социальной ликвидацией провозгласите политическую и юридическую ликвидацию государства, если вы отмените право наследования, то что же останется у крестьян?

Только голое фактическое владение, и это владение, лишенное всякой легальной санкции, не пользующееся уже мощным покровительством со стороны государства, легко будет поддаваться преобразованию под давлением революционных событий и сил».[359]

Планы Бакунина в отношении права наследования иллюстрируют его тактику, исходящую из выдуманной, а не реальной жизненной программы.

Совершенно иной была тактика К. Маркса. В «Докладе Генерального совета о праве наследования»[360] он подверг резкой критике предложение Бакунина, способное оттолкнуть крестьян в то время, когда речь шла об их привлечении на сторону социалистической революции. Пролетарское государство должно было дать крестьянам больше, чем дала буржуазия. Да и никаким декретированием нельзя было прежде времени решать проблему преобразования земельной собственности и аграрных отношений. Выдвижение проблемы права наследования в качестве исходного пункта социального преобразования было вредно теоретически и неприемлемо практически. Однако голосование по обоим предложениям: Генерального совета и Бакунина — не дало перевеса ни той, ни другой стороне. Количество сторонников у обоих предложений было примерно равным, и ни одно из них поэтому не было принято. Но первое же открытое выступление в Интернационале против линии Генерального совета показало Марксу всю опасность бакунинской пропаганды, вносящей раскол в ряды Международного товарищества.

Борьба, которую повели против бакунизма Маркс и Энгельс, основана была на необходимости защитить единство рабочего движения, оградить идеологию пролетариата от мелкобуржуазных влияний, противопоставить утопическим положениям Бакунина основные положения научного социализма.

Борьба Маркса и Энгельса против анархизма была глубоко принципиальной, идейной борьбой. Однако некоторые идейные противники бакунизма не всегда придерживались допустимых форм политической полемики.

Так была воскрешена старая легенда о том, что Бакунин агент русского правительства или, в лучшем случае, панславист и «русский патриот». Дискуссия же на Базельском конгрессе квалифицировалась одним из его оппонентов, М. Гессом, как столкновение между цивилизацией и варварством.

В качестве доказательства «патриотически панславистской» линии Бакунина противники его использовали старые его статьи 1849 года, критиковавшиеся тогда Энгельсом.

Еще в 1868 году С. Боркхейм решил возобновить эту критику. Однако Маркс тогда попытался смягчить подобные нападки на Бакунина. 7 ноября он писал Энгельсу, что так

как помешать Боркхейму невозможно, то он скажет ему: «что ты — старый друг Бакунина и что поэтому твоя статья ни в коем случае не должна быть использована в оскорбительном для последнего смысле».[361]

Однако уже спустя четыре месяца Энгельс и Маркс вынуждены были изменить свою тактику. Деятельность Бакунина могла принести слишком большой вред делу Интернационала. В этих условиях не приходилось заботиться о том, чтобы в ходе полемики не обидеть своего противника.

«Ни одна принципиальная борьба групп внутри социал-демократического движения не обходилась нигде на свете без ряда личных и организационных конфликтов, — писал Ленин. — ...Люди суть люди, и без „конфликтного“ материала, без „склоки“ не обходились исторические столкновения течений марксистского и анархистского (Маркс и Бакунин), гедистского и жоресистского, лассальянского и эйзенахского и т. д.».[362]

25 февраля 1869 года Энгельс писал Марксу: «Я написал Боркхейму насчет Бакунина, — чтобы он возбудил вопрос, возможно ли для нас, западных людей, вообще какое бы то ни было сотрудничество с этим панславистским сбродом...».[363]

Кампания, поднятая в прессе Гессом, Боркхеймом против Бакунина, была резка и несправедлива. Но и его ответы не носили сдержанного характера.

От публичных выступлений против Маркса Бакунин воздерживался. О своем личном отношении к Карлу Марксу он вполне откровенно написал в это время Герцену (26 сентября 1869 года). Объясняя, почему он не допускает прямых нападок на Маркса, Бакунин писал: «Первая причина — справедливость... я... не могу не признать за ним огромных заслуг по делу социализма, которому он служит умно, энергично и верно вот уже скоро 25 лет... и в котором он, несомненно, опередил нас всех. Он был одним из первых, чуть ли не главным основателем интернационального общества. А это в моих глазах заслуга огромная...

Вторая же причина — политика и, по-моему, совершенно верная тактика.

...Маркс, несомненно, полезный человек в интернацион[альном] обществе. Он в нем еще до сих пор один из самых твердых, умных и влиятельных опор социализма, — одна из самых сильных преград против вторжения в него каких бы то ни было буржуазных направлений и помыслов. И я никогда не простил бы себе, если бы для удовлетворения личной мести я уничтожил или даже уменьшил его, несомненно, благотворное влияние.

А может случиться и, вероятно, случится, что мне скоро придется вступить с ним в борьбу, не за личную обиду, а по вопросу о принципе, по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники. Ну, тогда будем драться не на живот, а на смерть. Но все в свое время, теперь же время еще не пришло».

Далее, переходя к своей тактике, направленной против Маркса и его сторонников, Бакунин восклицал: «Как же ты не видишь, что все эти господа вместе наши враги, составляют фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче ее разбить. Ты

учение меня и потому лучше знаешь, кто первый оказал: Divide et impera. Если я пошел теперь открыто войной против Маркса, три четверти интернац[ионального] мира обратились бы против меня, и я был бы внакладе, потерял бы единственную почву, на которой хочу стоять...»[364]

Так, понимая роль, значение и огромный авторитет Маркса, Бакунин, по существу, лишь откладывал свое выступление против него до более подходящей обстановки.

Бесконечные дразги в среде эмиграции, непрекращающаяся борьба с идейными противниками утомили Бакунина. Да и личные дела его были в весьма плачевном состоянии. Денег не было совершенно. 4 февраля 1869 года он послал записку родным: «Сестры. Долги меня давят. Мне грозит голодная смерть. Помогите».[365]

В поисках выхода из своих материальных затруднений он искал любую литературную работу и потому с удовольствием взялся за перевод «Капитала» Маркса, предложенный ему петербургским издателем Н. П. Поляковым через посредничество живущего за границей студента Н. Н. Любавина. В счет причитавшегося ему гонорара (900 рублей) он получил аванс — 300 рублей, что дало ему возможность расплатиться с некоторыми кредиторами и переехать в Локарно, где жизнь была дешевле и где хотел он отдохнуть от женевской суеты.

К переезду этому была и личная причина. Еще в Неаполе Антонина Ксаверьевна сошлась с К. Гамбуцци.[366] В 1868 году у нее родился первый ребенок, теперь она ждала второго и предпочитала, чтобы событие это произошло не в шумной эмигрантской Женеве, а в более уединенном месте.

Ко времени переезда Бакунина в Локарно она жила в Неаполе, но готова была приехать к нему, как только он устроится на новом месте.

Подобная, с точки зрения общепринятой морали ложная ситуация не была трагичной и даже слишком тяжелой для Бакунина. Он всегда предоставлял полную свободу жене и в сложившемся положении продолжал нежно и заботливо относиться и к ней и к ее детям.

Уже в Локарно, получив телеграмму о ее приезде, он выехал к ней навстречу, два дня в большом волнении ждал задержавшегося парохода, а потом писал Огареву: «Вообрази себе ее положение — она на море с полуторагодовалым ребенком, с восьмимесячной беременностью и с замечательным расположением к морской болезни. Целые сутки провела она на пароходе в Гаете неподвижно и при страшной качке. Она приехала ко мне измученная и больная. Ребенок ее тоже болен. Теперь она отдохнула, и маленький сын ее также. Но недели через 4, через 3, может, через 2, она должна родить. Ты понимаешь, что при таких обстоятельствах у меня голова идет кругом».[367]

Но Антонина Ксаверьевна приехала в декабре, а Михаил Александрович перебрался в Локарно в октябре, так что некоторое время он смог действительно отдохнуть. Причем чуть ли не впервые он нашел время к несколько оглядеться вокруг. «Вообрази себе, — писал он Огареву 2 октября 1869 года, — после сухой и тесно прозаической атмосферы Женевы Италия во всей ее приветливой теплоте, красоте и первобытной мило ребяческой простоте...

Здесь кажется все вдвое дешевле, а приволье, а свобода, а простота и теплота и воздух... Ну, просто царство небесное. ...Ты видишь, что я просто в восторженном состоянии духа, и боюсь только одного, что мягкость жизни и воздуха уменьшат, смягчат мою дикую социалистическую беспардонность».[368]

Это свое качество (или направление) Бакунин считал весьма принципиальным. Так, посылая Герцену свою брошюру «Исповедание веры...» и прося его переменить форму и кое-где смягчить текст, он оговаривал: «Что же касается до беспардонного направления, то оно должно остаться всецело, не только по содержанию, но и по форме. Ведь ты давно знаешь, что это моя природа, а природы не переменишь».[369]

Из двух своих старых друзей в последние годы Бакунин ближе сошелся с Огаревым. На протяжении более чем 30 лет отношения этих двух людей прошли разные этапы. В молодые годы Огарев хуже, чем Герцен, относился к Бакунину. Затем они долго не виделись. Участие Бакунина в революционном движении Европы, годы тюрем и ссылки сгладили былые антипатии. Уже в Лондоне позиции Огарева и Бакунина несколько сблизились.

Более, чем Герцен, склонный к практической стороне революционной работы и менее Герцена склонный к скептицизму, Николай Платонович в те годы нередко поддерживал Бакунина как в его вере в силы и возможности «Земли и Воли», так и в польском вопросе.

Последний вопрос стоил Герцену «Колокола».[370] «Много лежит на совести Мих[аила] Ал[ександровича], есть доля и на Ог[ареве] — а я больше их виноват, потому что уступал от слабости и не хотел спорить»[371] — так писал Герцен спустя три года, подчеркивая тем самым некоторую общность в позиции Огарева и Бакунина.

В конце 60-х годов, когда издательская деятельность перестала занимать все время и мысли Огарева, он с интересом и симпатией стал наблюдать за той огромной практической революционной работой, которую вел Бакунин. Михаил Александрович, со своей стороны, тепло и внимательно относясь к старому другу, пытался расшевелить его, приобщить к своему делу, отвлечь от пагубного пристрастия к вину. «Ты в кабак ходи, — писал он ему, — да только в меру. Ты не родился анахоретом, — никогда не был и никогда не будешь им, — а *chassez le naturel il revient au galop*.[372] Только в меру. Эх, брат, в меру, кажется, вся тайна».

В том же письме он уговаривал Николая Платоновича не предаваться унынию, не заниматься бессмысленным самоанализом, этим традиционным занятием русских интеллигентов.

«Ты... ковыряя в своей душе, находишь в себе разные гадости. Нет сомнения, что всякий без исключения, кто захочет в себе ковырять таким образом, найдет много неприличного.

Но зачем предаваться излишнему ковырянию своего прошлого, своей души? Ведь это занятие самолюбивое и совершенно бесполезное... Прошедшего не воротишь. Не каяться и не жалеть мы должны, а собрать все, что у нас осталось от наших прошедших ошибок и бед, силы, ума, умения, здоровья, страсти и воли и сосредоточить все это для служения одной любимой и последней цели, — а наша цель с тобой революция».

Далее на вопрос Огарева, придется ли им увидеть эту революцию, Бакунин отвечает: «Этого никто из нас не отгадает. Да если и увидим, Огарев, нам с тобою не много будет личного утешения, — другие люди, новые, сильные, молодые — разумеется, не Утины, — сотрут нас с лица земли, сделав нас бесполезными. Ну, мы и отдадим им тогда книги в руки... А теперь мы еще, несомненно, полезны».

Дав ряд деловых советов Огареву, Бакунин так заканчивает это любопытное письмо:

«Друг мой, мы старики, поэтому мы должны быть умны; у нас нет более юношеского обаяния. Но зато есть ум, есть опыт, есть знание людей. Все это мы должны употребить на служение делу».[373]

Призывая к служению делу Огарева, Бакунин не переставал служить ему сам. Его благодушное настроение в первое время жизни в Локарно не означало того, что он действительно «отдыхает». Подобное понятие в буквальном смысле слова еще не было знакомо ему. Удалившись от женевской суеты, он перенес всю тяжесть своей деятельности на руководство движением посредством писем. «Вчера я сосчитал число моих корреспондентов, — пишет он 23 ноября 1869 года, — и насчитал их 44, из которых девятнадцати я пишу по крайней мере раз, а иногда два и три раза в неделю, шестерым непременно два раза в месяц, а остальным — не менее раза в два месяца».[374] Так всякий день ему приходилось писать 3–4 письма. А если учесть, что коротких писем писать он просто не умел и что нередко его послания достигали размеров одного-двух, а иногда и пяти печатных листов, то можно представить себе его нагрузку.

Но, конечно, перепиской дело не исчерпывалось. То и дело в Локарно являлись его товарищи по «Альянсу» из Италии, Франции, Швейцарии, Испании. Бакунин их наставлял, направлял, руководил. Главное же его время в конце 1869 — начале 1870 года было отдано переводу «Капитала». «Перевод страшно трудный. Сначала я не мог перевести более трех страниц в утро, теперь дошел до пяти, надеюсь скоро дойти до десяти», — сообщал он Огареву.

В декабре он просил Жуковского поговорить с его женой Адой о переписке уже переведенных им десяти листов.

Эта женщина, по словам его, была «чрезвычайно умна, благородна до донкихотства, молчалива и верна как гроб». К тому же достоинства ее увеличивались тем, что она одна осталась свободной «от утинского обаяния, которому гаремно (в нравственном смысле этого слова) поддались все другие бабы».

На письмо Бакунина Жуковский не ответил, и Бакунин принялся переписывать перевод сам. Однако работе этой не суждено было завершиться. Иные дела захватили Михаила Александровича, вопрос же о несостоявшемся переводе возник снова несколько позднее, но уже при совсем других обстоятельствах.